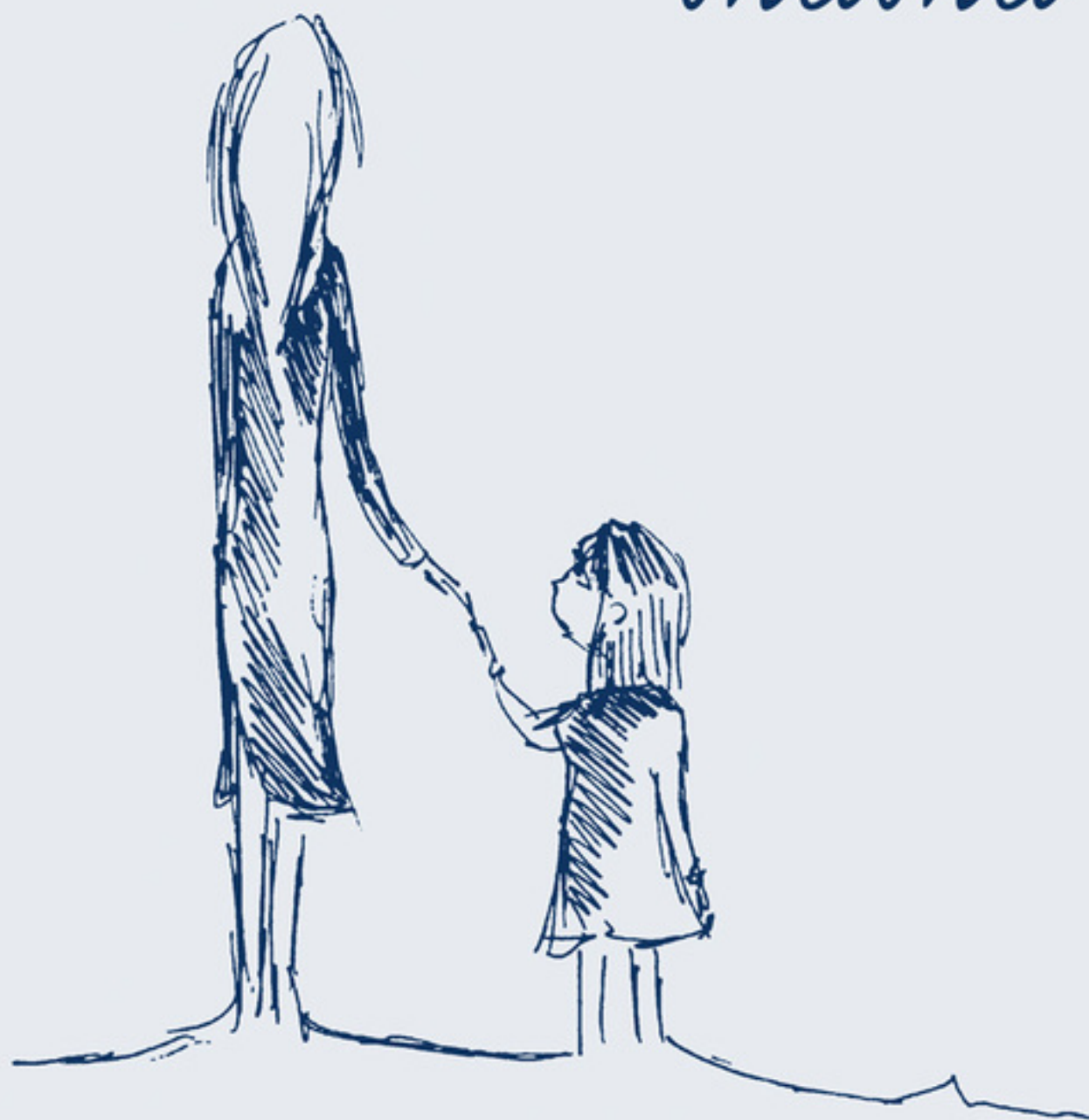


Анна Златковская

Страшно жить,
мама



Анна Златковская
Страшно жить, мама

«Четыре четверти»

2017

Златковская А. Е.

Страшно жить, мама / А. Е. Златковская — «Четыре четверти»,
2017

ISBN 978-985-581-116-0

Это история о матери и ее дочке Анжелике. Две потерянные души, два одиночества. Мама в поисках счастья и любви, в бесконечном страхе за свою дочь. Она не замечает, как ломает Анжелику, как сильно маленькая девочка перенимает мамины страхи и вбирает их в себя. Чтобы в дальнейшем повторить мамину судьбу, отчаянно борясь с одиночеством и тревогой. Мама – обычная женщина, та, что пытается одна воспитывать дочь, та, что отчаянно цепляется за мужчин, с которыми сталкивает ее судьба. Анжелика – маленькая девочка, которой так не хватает любви и ласки. Она расскажет нам о своей матери. Расскажет все о себе, о той девочке, которая однажды вырастет и останется совсем одна. С призраками, с мистическим даром и желанием быть любимой людьми.

ISBN 978-985-581-116-0

© Златковская А. Е., 2017

© Четыре четверти, 2017

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	17
7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Златковская

Страшно жить, мама

© Златковская А., 2017

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2017

* * *

Все совпадения случайны

Я набрала его номер третий раз подряд. Нет ответа, и я набираю снова, зная, кожей чувствуя, что он сейчас с той длинноногой рыжеволосой девицей, которая прижималась к нему своим плоским животом в коридоре университета. Я видела их, когда выходила из аудитории. Еще вчера я ночевала у Паши. Странно было видеть сегодня его с другой девушкой.

Я молча уставилась на них, не в силах сделать и шаг. Было правильнее броситься и разнять эту парочку, может, надавать ему пощечин, отпихнуть рыжую, встать между ними жирным «тире», показать, что я существую и нельзя игнорировать меня, целуясь у всех на виду.

Но я не могла этого сделать. Мы встречались с ним полгода. Почти каждый день после занятий я приезжала к нему домой, замирала в его комнате, словно собака в ожидании команд. Приготовить ужин – сделано. Целоваться – пожалуйста. Помочь написать реферат – конечно, я буду только рада. Ждала, когда он накрутит на пальцы прядь волос, заглянет в глаза и смеясь скажет: «Лица, ты моя». Этот романтический бред я видела снова и снова, но Паша лишь накручивал волосы на пальцы и распускал, будто нитки из клубка тонкой шерсти. У меня не было прав, не было характера, чтобы уйти. Иногда так и хотелось отрезать ножницами волосы, оставить ему на подушке темную змейку и хлопнуть дверью. Но я не умела уходить. И, глядя, как он обнимает рыжую девицу, я убежала под лестницу, что была в дальнем углу университетского коридора.

Паша не отвечал. Выходной день – и снова одна в квартире, заваленная тишиной, как старая игрушка за шкафом, куда в кучу свалили ненужные вещи и чемоданы. Внутри сжималось и разжималось сердце, словно кто-то мял губку сильными руками. Мама всегда учила меня, что хорошо не будет. Кому-то везет, но не нам. Наша семья обречена на страдания. Наша семья... Всего-то два человека...

1

Мама и я. Вот и вся семья. Отец был, но весьма зыбким расплывчатым предметом маминых негодований. Мама любила отца те недолгие полгода, которые он провел с ней. Отец был плохим художником, работал в театре, устанавливал декорации. Постоянно выпивал по пятьдесят грамм водки в обед и страстно любил женщин. В них он видел вдохновение, подпитку творческой энергии, поэтому вдохновения часто сменяли друг друга. Отец рисовал, картины прятал за старый платяной шкаф, искал новую женщину, потом снова рисовал, выпивал и верил, что его работы имеют будущее. Может, однажды они будут висеть в картинной галерее, а не прятаться в темном нежилом углу. В кармане рубашки он носил мастихин. На кисти руки всегда было пятно краски – то синее, то красное. Символ его художественного духа. Подозреваю, что эти пятнышки он старательно рисовал каждое утро перед выходом на улицу. Плачевная карьера не убила в нем романтизм и веру в светлое завтра. Будучи неудачником, он являл собой неутомимого бунтаря против системы, общества, политической власти. Ему, казалось, важно было выступать против всех. Обожал шумные застолья, походы, друзей-собутыльников, неплохо брэнчал на гитаре и даже, что вообще удивительно, вязал на спицах. Этому отца научила его мама, моя бабушка, умершая, когда ему было двадцать пять. «Если бы твой отец женился на мне, – говорила мне мама, – то свекровь у меня была бы редкостная сука». Вот и вся характеристика бабушки. О своих дедушках я вообще ничего не знала.

Мне, маленькой, ужасно не хватало людей вокруг. Хотелось, чтобы, как у всех, у меня были бабушки и дедушки, дарящие бесчисленное количество странных игрушек. Хотелось конфет и шоколадок из их рук, нудных нравоучений и новых запахов, пусть то старой кофты или вязаного покрывала, засахаренных конфет в вазочке или таблеток валидола.

Услышав про суку, я обрадовалась, что у меня есть только мама. Потому что с мамой было непросто, и выдержать еще одну суровую женщину я, наверное, не смогла бы. Бабушка по маминей линии в моей жизни все-таки появилась, но гораздо позже, в тринадцать лет. Она была глубоко оскорблена тем фактом, что мама родила меня вне брака, от какого-то пьяницы, да при этом в силу чувств. «Блудница и проститутка», – только и вымолвила бабушка, когда мама позвонила ей, чтобы обрадовать внучкой. И пропала, окатывая молчаливым презрением дочь и меня.

Отец оставил маму ночью. На часах было два, за окном лил дождь, она лежала рядом с ним, уткнувшись носом в подмышку. Сказала, что беременна, что у них будет замечательный сын и, может, он, наконец, сделает ей предложение. Уснула. Не слышала, как он тихо встал с дивана. Пошарил под ним в поисках носков. Оделся, допил вино прямо из горлышка. На прощание не смыл за собой в туалете и ушел. Мама утром рыдала в голос, била рюмки, истошно кричала на балконе, что все мужики сволочи. Истерика длилась с семи до девяти утра. Это было воскресенье. Успокоившись, она принялась за уборку.

– Вычищу к черту твой дух, – злобно шипела она, вытирая пыль с полок. А внутри нее была я. У меня уже билось сердце, и я, покачиваясь в маминых водах, ощущала ее недовольную вибрацию. Нас объединяло ощущение весьма грустного будущего, грядущего одиночества. Мама, правда, была уверена, что родится сын. Назвала меня Димкой, и когда я родилась, когда акушерка сунула ей под нос мои ножки, она в недоумении спросила:

– А где писюн?

– Какой писюн, мамаша?! – гаркнула акушерка. – Девку родила!

– Несчастливая, – прошептала мама.

Нарекла Анжеликой. Пока все вокруг называли девочек Танями, Ирами и Олями, мама решила, что раз девочка, судьба незавидная, всю жизнь метаться и маяться, то пусть хотя бы имя будет красивое. Желанное имя, любила говорить мама. С таким именем каждый мужик

будет тебя вожделеть. А тех, кого вожделеют, не бросают. Отцу она послала открытку, в которой карандашом написала: «Поздравляю, теперь твое существование на земле оправдано, говнюк: ты стал отцом».

Отец приехал к нам домой, но мама его непустила. Он звонил и звонил в дверь, я орала от этого кричащего нарастающего звука, мама качала меня на руках, зажмурившись. Она знала, что если откроет глаза, то не выдержит и пустит его на порог. Расклеится, размякнет, бросится с поцелуями, начнет гордиться дочерью, а этого всего не надо, не надо... Он бросил ее, и этот визит всего лишь любопытство, желание взглянуть на дочь как на единственное свое правильное и искусное творение. Отец перестал звонить, лег на коврик, откупорил шампанское и выпил всю бутылку до дна в считанные минуты. Через полчаса его прогнала соседка, пригрозив милицией. Отец ушел, оставив пластмассовую погремушку и пару беленьких пинеток.

Именно эти пинетки сломали мамину гордость, и спустя неделю онапустила отца к дочери. Она стояла возле балконной двери, на расстоянии двух метров от отца, чтобы его запах не коснулся крыльев ее носа. Отец всегда был такой: магически действовал на женщин, поэтому они всю жизнь его любили и ненавидели. Он был никем, коллеги по цеху его обливали презрением, обзывали страдальцем и лопухом, но завидовали. «Чем берет, стервец?» – шептали за спиной, когда отец обвинял талию очередной хорошенькой женщины.

Отец, казалось, был ошарашен мною. Он стоял над кроватью, вцепившись в перила, смотрел, щупал глазами личико, улавливая малейший виток мимики.

– Наташа! Это лучшее, что случилось со мной! – он бросился к ее ногам. Мама сидела, подавленная, на диване, а отец целовал ее колени. Она, наклонившись вперед, сжимала пальцами его затылок.

– Ты кот, дворовый кот, Василий... – частенько шептала она ему. Отец жмурился. Многие женщины говорили ему об этом. Он обычно целовал их слегка вспотевшие ладони.

Отец помог зарегистрировать меня, вписав в метрику свое имя и фамилию, тем самым официально подтвердив, что он мой папа. Мама была очень счастлива. «Это, конечно, не замужество, но все же», – бормотала она, успокаивая саму себя.

Через три недели отец снова сбежал. Орущий ребенок, стирка пеленок, отрыжка – все это было не для него. Умиление сошло на нет, когда я испражнилась на свежестыранную рубашку отца. Мать старалась, как могла, и выглядела безупречно. Она даже кормила меня в нарядном сливовом платье с глубоким вырезом на груди. Лишь бы отец не видел измученную бессонными ночами, уставшую женщину. Ему показалось, что он сможет сыграть роль семьянина, но его ждало нечто большее, чем ребенок и женщина. Мама на этот раз была спокойна. Она чувала, чтопустила его. Вся эта роль папочки была своего рода забавой и экспериментом, не более.

2

Так мы остались вдвоем. Без алиментов, жили на маленькое государственное пособие. Мама штопала колготки, варила картошку на обед и ужин, сдавала бутылки из-под молока и покупала с выручки сладости. До развала «советов» еще было семь лет.

Жили мы в однокомнатной квартире огромного дома, называемого в народе «малосемейкой». В нем были длинные коридоры с шестью квартирами на каждом этаже, в которых на маленьких метрах ютились большие семьи.

Мама сделала для меня уютный уголок, отделив кровать от остальной комнаты шторой на карнизе, который уперся одним концом в одностворчатый шкаф, что стоял у подножья кровати, другим – в стену. Я всегда могла задвинуть штору и оказаться в своем мире. Часто на карниз мама вешала надо мной свои свитера и пиджаки на деревянной вешалке. В темноте строгий силуэт казался мне огромным чудовищем, подвешенным на тонкой веревке. «Девочка, ты почему не спишь?» – каждую ночь обращалось оно ко мне, и я в страхе жмурилась. Чудовище всегда следило за мной, иногда это очень пугало, иногда мне казалось, что оно охраняет мой сон от других чудовищ, которые были гораздо страшнее, ведь поутру они не превращались обратно в черный жакет, а навсегда оставались жить под кроватью в дальнем темном углу. Чтобы дожидаться следующей ночи и пробраться в мое сознание, разрушая его своими когтистыми щупальцами и острыми клыками.

Мама...

Она не собиралась становиться матерью в двадцать четыре года. Внутри нее горело желание любить. Женщина она была красивая, с кудрявыми светлыми волосами, пыльно-голубыми глазами. Часто звонко хохотала или громко рыдала. Балансировала между радостью и диким ужасом.

– Господи, ну неужели так трудно поставить табуретку на место?! – кричала мама и отодвигала ее на десять сантиметров в сторону. Я сжималась от ее крика. Так было всегда. Так будет всю жизнь. Мы будем тщательно убирать квартиру, вытирать пыль, вытряхивать ковры, складывать, а не разбрасывать плед, расставлять подушки, словно солдат, ровным строем на диване. Шторы будут висеть складочка к складочке, стулья стоять строго на своих местах. Наверное, надо было на полу белым мелом очертить эти места, как покойников, чтобы никогда не ошибаться. Я всегда ошибалась. Я буду пальцами убирать невидимые крошки со стола и следить, чтобы вокруг умывальника не было воды, даже маленькой капельки. Уже в четыре года я лихо вытирала пыль, мыла полы. Я боялась, что мама будет ругать меня. А она всегда ругала. Заберет меня из садика, мы придем домой, поужинаем. Я выйду из-за стола, забуду отодвинуть стул. Она кричит. Я плачу. Вечер безнадежно испорчен.

Потом, спустя часа два, мама придет, обнимет меня. Начнет плакать и просить прощения. Я стану возиться с игрушками, она сядет в старое кресло и начнет шить. Уколется иголкой, выругается. А сама на телефон поглядывает. Позвонит, не позвонит? Новый роман, тощий психолог с вечно сальными волосами. Видела его пару раз. Меня мутило от него, от нее. Наперед знала, что он походит так с месяц, а потом пропадет. Вот и сидит, ждет, что затрещит телефон, на часах уже десятый час, меня спать укладывать пора. Забыла.

На Восьмое марта сделала маме открытку. Сама. Остальным помогали воспитатели, а я упорно желала приклеить все бумажные лепестки к твердому картону своими пальцами. Открытка получилась кривая, заляпанная клеем, но воспитательница меня хвалила.

Отдала маме, когда она вытягивала из шкафа тонкие чулки. Она улыбнулась, глядя мимо меня.

Потом она крутилась перед зеркалом в прихожей, вила кудри, подводила стрелки. Открытка лежала на трюмо.

– У меня свидание, Лика! – шепнула она.

Меня наскоро собрала, отвезла к тете Маше, говорливой еврейке. У нее была дочь Оля, старше меня на пару лет, которая тем не менее обрадовалась моему появлению, так как тетя Маша тоже не собиралась в праздник заниматься детьми и пригласила гостей.

– Опять напьются и будут орать песни, – недовольно буркнула Оля и уволокла меня к себе в комнату.

Открытку я нашла в мусорном ведре на следующий день, вечером. Я вынула ее и подошла к маме. Она стирала белье в ванной, наша убогая советская машинка умерла на прошлой неделе. Наверное, я плакала или была очень грустна, но мама тут же принялась рыдать, выхватив открытку у меня из рук. Прижимала к груди и повторяла:

– Доченька, прости, прости, это случайно.

Маме я не поверила. И с тех пор не делала для нее никаких открыток, картинок. Когда все рисовали гуашью цветы на вазе с подписью «любимой мамочке», я лепила из пластилина домик, объясняя учителям, что это дворец для мамы, ей очень понравится. Выходя с урока, комкала его в лепешку и прятала до следующего раза.

Однажды пришел отец. Принес мне огромных размеров куклу с выпученными синими глазами на круглом выглажено-пластмассовом лице, которую я отдала соседской девочке. Мама пила с ним чай, молча слушая о его проблемах, планах. Выкурила три сигареты. Отец дал немного денег.

– Даже на сандалики для Лики не хватит, – выдавила тихо она.

3

Соблюдение порядка было не самым утомительным занятием в нашей с мамой жизни. Я привыкла к ее крику, привыкла класть каждую вещь на свое место, а если забывала, откуда взяла, просто выбрасывала в окно, чтобы не получить очередной нервный срыв. Всякие книжки по шитью, клубки ниток, спицы, ластик, карандаши. Бывает, лезешь за фломастером, а вывалится колечко серебряное. Откуда? Не сообразишь, шкатулка в другом месте стоит, на полке, за картиной, ну и мучаешься, мечешься, да в форточку со всего размаху. Маму, конечно, злило, что многое стало пропадать, но она не догадывалась, кто виновник. Мне было стыдно, но я так устала от бесконечно крика, что лучше уж выбросить вещь в окно. Нервничала, кусала губы, часто до крови. Маму ужасно раздражала моя глупая привычка, а ведь только так я могла успокоиться.

Мама за меня постоянно боялась. Нет, она вообще просто боялась. Всего на свете. Тараканов, мух, высоты, воды, автомобиля. Если я ела, то она следила, чтобы аккуратно, не спеша, ведь я могла подавиться едой и задохнуться. Если сбегала по лестнице, то ругала, останавливала, объясняя, что я могу подвернуть ногу и упасть головой вниз. Добавляя, что так одна девочка свернула себе шею. В ванной кругом были липкие коврики, чтобы не поскользнуться, ела я ложкой до шести лет. Любое шевеление в моей жизни подвергалось страшному риску, мама настойчиво просила меня быть осторожной.

– Ты же понимаешь, если с тобой что-то случится, мне незачем будет жить, – говорила она. – Я умру. Тут же, на месте, от сердечного приступа.

И я боялась за любимую мамочку. Старалась быть очень аккуратной. Чтобы ничем ее не расстраивать. Пока была маленькой, худо-бедно мне удавалось быть тихой, незаметной. Один раз, правда, вместе с соседкой Людой выползла на крышу. Мы с ней просто постояли в двух метрах от края и спустились вниз, где нас встретил отец Люды с ремнем в руках. Мама, как узнала, долго пила корвалол. Вымолвила только: «Ты хочешь моей смерти», – и не разговаривала со мной два дня.

В отместку купила мне синие колготки, а синий цвет я недолюбливала. Заставила надеть их в садик. Все девочки смеялись и обзывали «мальчиком». Я спряталась за веранду и плакала. Пока обессиленная нудными поисками воспитательница не вытянула меня оттуда за ухо.

Даже моя близкая подружка по группе Катя смеялась надо мной. Я пыталась понять, почему она не хочет больше со мной дружить, ведь синие колготы – это такая глупость.

Мы никогда не катались на аттракционах. Мама говорила, что это страшно и опасно. Еще вытошнить может. Но однажды уступила и попросила свою подругу прокатиться со мной на безопасных «ракушках», которые крутились по кругу и вокруг своей оси. Тренажер для будущих космонавтов. Меня вырвало пирожком с повидлом прямо на цветастое платье маминой подруги.

– Ну, вот видишь, я же говорила, – мама хмыкнула. Я вытирала рвоту с подола платья своей кофтой, так как салфеток у нас собой не было. Подруга что-то бурчала, мама тараторила, перебивая, что ребенок мечтал о каруселях, ты уж прости, я устала ей, бестолковой, объяснять. Они в итоге разошлись по-хорошему. Но я чувствовала себя виноватой. Аттракционов, правда, больше не хотелось. Никогда. Тем более, когда в другом городе рухнула кабинка вместе с маленьким мальчиком и мама зачитала мне эту новость вслух, дрожащим голосом, с придыханием и слезами в глазах, я поняла. Все в этом мире направлено на убийство человека. Нужно быть очень настороженным, изворотливым, чтобы не стать жертвой несчастного случая.

Мне постоянно говорили: «Будь аккуратна, помни, сколько всего страшного может случиться», – и отправляли в новый ясный день. Мама желала мне добра и боялась, ведь всегда

из-за угла может резко выскочить автомобиль и раздавить хрупкое тело черными колесами. А я боялась расстроить маму. Круговорот взаимозависимости.

4

Я сидела с бутылкой дешевого вина у двери в Пашину квартиру. Была пьяна. Стены и углы уже начинали двоиться, слезы превратились в неровные дорожки, сползающие на подбородок, и, кажется, я слышала голос Бога. Он говорил: «Дура. Беги».

– Паша! Открой дверь! – мычала я.

Я видела его. Как он натягивает шорты, как бросает очередной девице покрывало, чешет затылок и мечется по дому, не зная, что делать. У девицы приподнимается бровь, тонкой радугой. Паша в итоге хватается за сигареты.

– Нормально?! – я открыла глаза и увидела Пашу. Он возвышался надо мной. Я уснула прямо на коврике у его двери. Он закатил глаза.

Я сидела на кухне, пила крепкий кофе.

– Лик, ну чего ты, а?

– Что чего? Ты не понимаешь? – я была зла. Да еще голова болела, словно она колокол, а по нему кто-то изо всех сил бьет железным молотом.

– Я тебе разве говорил, что мы встречаемся, любовь и все такое? Лика, мне двадцать два, тебе двадцать, у нас время такое, все со всеми спят.

– А любовь? – мой сиплый голос сорвался. Жалостно так.

– Никакой любви нет. Мой отец вот с мамой живет больше двадцати лет. И знаешь, что он мне сказал? Что давно маму не любит. Что живут они вместе только ради детей: меня и сестры. Что каждый нормальный мужик всегда хочет только одного – денег и секса. Всё. Но брак это тыл. Поэтому ты хороший муж и еще парочка любовниц. Другой судьбы не дано. Ты предлагаешь мне жить такой жизнью? Врать кому-то, что я способен на любовь и прочую чепуху? Нет, детка.

Паша сел рядом и положил руку мне на колено.

Я молчала. Паша уже стянул с меня майку.

– Плохой ты, Паша. За что я тебя люблю?

Он промычал что-то над моим ухом.

Осталась я у Паши. Его родители уехали на дачу, квартира была свободна на все выходные. Я была счастлива, что провожу это время с ним. Правда, к нему тут же набежали друзья, все пили водку, много курили и матерились. Громко играла музыка. Паша любил электронную, и с каждым новым музыкальным завитком мне казалось, что у меня разовьется шизофрения. Но быть в толпе – незнакомое и удивительное чувство, мне нравилась эта пульсация, жжение от сигаретного дыма в глазах, песни, смех. Иногда ловить Пашину руку и улыбаться. Его поцелуй в висок. Желала застрять в этом хаосе навсегда, чтобы никогда не встречать пыльное утро, требующее моего ухода в ту реальность, где Паша бежит по своим делам, а мне остается ждать его звонка.

Иногда мы прятались в родительской спальне, и мне было весьма неудобно падать спиной на кровать, где еще недавно лежали его отец и мама. На меня укоризненно смотрела фотография в золотой рамке, где крупным планом – мужчина и женщина на фоне еловых лап с мерцающим снегом. Никогда не могла понять этот снимок, обыденность и взгляды, устремленные в камеру фотоаппарата.

На прикроватной тумбочке – бульварный роман в мягком переплете, футляр для очков, расческа, помада. Из шкафа торчит рукав свитера, под кроватью – стоптанные тапочки. Я все это замечала, пока падала спиной на кровать, и мысленно шептала: «Простите».

Утром в воскресенье я бежала домой. Не нравился беспорядок после вечеринки, чужие люди, которые спали в комнатах прямо в одежде, кто на диване, кто на полу. Окурки, бутылки, остатки еды. Знала, что Паша проснется чужим, отгородится от меня, словно мы незнакомцы в

общем пространстве. Хмуро станет бродить по квартире, разбудит друга. Они выпьют на двоих бутылку холодного пива и примутся за уборку.

Я позвонила ему только вечером. «Приезжай ко мне, – попросила, – испеку вкусный луковый пирог». Паша согласился. Я прыгала в сумасшедшем визге, словно маленькая собачка. Готовила, убиралась, поправляла шторы и подушки. «Паша придет!» – мысль теннисным шариком прыгала во мне и била в виски.

В десять я звонила ему домой. Никто не ответил. Едет – я еще не теряла надежду. В одиннадцать поставила пирог снова в духовку подогреться, холодный он был невкусный. Но Паша не приехал. Я прождала его до трех ночи. Курила, сидя на подоконнике в кухне, бросала крошки от пирога вниз и старалась ни о чем не думать.

5

Когда мне исполнилось семь лет, в нашей с мамой жизни появился дядя Федя. Большой усатый мужчина с легким перегаром и серыми, как грязный лед, глазами. Мама влюбилась.

– Доченька, ты его папой не называй, но я очень надеюсь, что однажды мы станем большой семьей.

Дядю Федю я терпеть не могла. Он казался мне шумным, глупым и наглым. Дома у нас он вел себя по-хозяйски. Вроде польза была, краны больше не текли, розетки не отваливались, все быстро чинилось пухлыми волосатыми пальцами, но видеть, как он разваливался в полосатых трусах на нашем диване, мне было противно. Укладывать спать меня начинали довольно рано. Уже в восемь загоняли в кровать, и задвигалась штора.

– И не смей мне! – грозила мама пальцем, и я покорно пыталась уснуть. А они хохотали, гоготали, стучали стаканами и бокалами. Весь этот взрослый шум и шорох отдавал чем-то вульгарным, пошлым, казался плохо сыгранным водевилем. Я понимала, что дядя Федя не собирался создавать семью, он по какой-то причине решил пожить у нас, искренности и чистоты в его помыслах я не чувствовала.

Глядя на людей, я представляла их посудой. Мне не нужно было стараться или выдумывать что-либо. Эти образы всплывали сами, подсказывая мне, насколько человек добр, мил, строг, самолюбив. Это мог быть человек-кастрюля, нарядная пузатая кастрюля с крупными цветами по бокам. Иногда попадались тарелочки, милые аккуратные прохожие с ясным взором и смешинками в темных зрачках. Чаще – это люди-стекло: вазы, фужеры, стаканы. Цвет стекла подсказывал мне, насколько порядочен и добр мой собеседник или знакомый. Мутное, заляпанное, пыльное либо прозрачное, словно река.

Я не любила маминых подруг. Вера, Галя и Лида. Все три – убогие кривые вазы с бледными узорчатыми вертикалями. Подруги постоянно ныли, пытались учить жизни, отчего после совместных встреч у мамы заметно портилось настроение. Помню, спросила ее:

– Мама, зачем ты с ними общаешься, если потом тебе тяжело на душе?

Мама встрепелась:

– Бог мой, ребенок! Тебе шесть лет! Откуда ты знаешь?!

Она гладила мои волосы и смотрела куда-то вдаль.

– Это общение, это быть с кем-то... – тихо вымолвила она.

Зачем такие друзья, если потом ты ходишь мрачной тенью? Мне казалось, что мама истончалась после визитов подруг. Словно из нее выкачивали воздух и воздушный яркий шарик превращался в бесформенный резиновый комок.

Дядя Федя был грязным. Свинцовое плотное стекло, заляпанное дорожной пылью и радиоактивным дождем. «Мама, прогони его», – умоляла я, но она срывалась и плакала.

– Эгоистка растешь! Я любить хочу!

После полугода отношений дядя Федя перестал ходить к нам каждый день. Пропадал. Врал маме, что ночные смены. Она плакала ночами, тихо-тихо, чтобы меня не разбудить. А я все слышала. Шла к ней, ложилась рядом и обнимала.

– Мамочка, он плохой, плохой, забудь его.

Неожиданно дядя Федя приходил снова, впереди него бежал запах дешевой водки и машинного масла. Он сжимал маму в объятиях, дарил мне шоколадную конфету и требовал ужина.

– Ну что, жена, покормишь мужа? – горланил он, и мама глупо хихикала. Меня выворачивало от него, я сбегала во двор. Мы играли в «городки» с соседскими детьми, гоняли мяч, делали «секретки» из бутылочного стекла и тонких веток, а мама изредка выходила на балкон, чтобы проверить, не украл ли кто меня. Будто был на земле человек, которому я была нужна.

– Домой! – с седьмого этажа кричала мама. И я неслась в подъезд, оставляя за спиной детский смех и скрип качелей.

Однажды на пути встретился мне человек-коробка. В подъезде. Мы должны были вместе зайти в лифт и проехать неизвестно сколько этажей. А может, даже и не доехать. Мама рассказала мне три страшные истории о том, как дяденьки-маньяки заходили в лифт вместе с маленькими девочками и потом люди находили истерзанные детские тела. Мне виделись сломанные пальцы, вывернутые шеи, запачканные в крови платья, я чувствовала страх и запах мочи.

– Надо внимательной быть. И никогда не заходи в помещение одна с мужчиной, – шептала мама мне на ночь вместо сказки.

Обычно я игнорировала эту просьбу. Топать на седьмой этаж пешком мне совершенно не хотелось. Поэтому я смело шагала в лифт вместе с мужчинами, мальчиками, дяденьками и соседями, нисколько не переживая, что меня найдут на грязном полу со вспоротым животом.

Но тут, глядя на тощего мужчину с большими очками на длинном с пупырчатой горбинкой носу, мне стало по-настоящему страшно. Он не превратился в вазу, пусть и грязную. Я увидела огромных размеров темную картонную коробку, в которой шевелилось нечто мерзкое, слизкое.

Когда двери лифта распахнулись и он галантно махнул рукой, мол, проходи, деточка, я замешкалась. Смотрела в его очки, погружаясь в темное пространство коробки с чем-то мерзким, суевающимся внутри.

Я побежала. Вверх, по лестнице, на свой этаж, надеясь, что он не последует за мной.

– Мама, мама, там!.. – задыхаясь, бормотала я.

– Кто? Кто? – мама выглянула в коридор. Лифт приехал на седьмой этаж, и человек-коробка вышел на лестничный пролет.

– Ты его испугалась, дуручка? – она с любопытством разглядывала мужчину, который звонил в соседнюю дверь. – Обычный человек, чего ты...

Она гладила мои волосы, а я чувствовала, что в этом мужчине было нечто ужасное, необъяснимое. Теперь мне придется всю жизнь ходить пешком.

Вечером мама со смехом рассказывала дяде Феде, как я испугалась незнакомца. Тот качал головой, хмыкал, курил сигарету.

– Никого не бойся, Анжелика. Если что, бей кулаком в пах, и все дела.

– Ты чему ребенка учишь? – возмущалась мама.

– Жизни. Вчера прочитал в газете, что девочку задушили в подъезде, очередной маньяк в городе орудует. Так что пусть твоя дочка научится себя защищать. Ногой так р-раз, и сюда бей, поняла? – он прислонил руки к ширинке брюк и ухмылялся. Я видела в глубине его мерзкого рта золотой зуб, черный налет.

Обидевшись, я убежала к себе в уголок.

– Она же ребенок совсем, ну что... – слышала я мамин голос.

– Вырастишь дуру, как ты сама. Надо воспитывать дитя!

Укрывшись одеялом с головой, забравшись в себя, подобно улитке, я размышляла. Мои видения – они правдивы или это разыгравшееся воображение? Могу ли я доверять тому, что чувствую, давать верную оценку происходящему и стоящему передо мной человеку? Может, нет никакого зла и все люди на земле одинаковы в своих помыслах, страхах и желаниях, а я просто слишком боюсь? Нет грязных стекол, скользких существ внутри человеческих сосудов, а лишь вены, артерии, кости? А может, ошибаются взрослые, не чувствуя, не видя того, что вижу я? Каждый день в мире происходят беды, эти беды по вине человека, который кажется нормальным, добрым и сильным. А на самом деле это человек-коробка, внутри которого прячется нечто настолько омерзительное, что когда оно выбирается наружу, все рушится, прожигается, растворяется. С чьей-то болью, слезами и потом...

– Видишь облако, похожее на собаку, бегущую за мячом? – спросила я в первом классе свою соседку по парте. Она долго вглядывалась, щурила глаза, морщила лоб.

– Выдумала! – отрезала скрипучим голосом.

Я снова посмотрела на небо. Синее полотно с белой испариной, пушистыми рисунками собак, кошек, гномов с круглыми крупными носами, смешных овечек... Почему она не видит? Я оглядываю украдкой девочку и вижу, что она милая конфетница с побитым сколотым краем. Всю жизнь будет сиротливо прятаться в буфете с засохшими леденцами, пока случайно не упадет, не разобьется, с неким облегчением, что вот выпала случайно, но теперь-то ее заметили. Одинокая, тонкая девочка, которая уже к тридцати шести годам будет считать себя старухой, мелочно завидуя подругам.

Мне было неловко, что все это я увидела в одну секунду и будто предопределила своими видениями дальнейшую судьбу милой соседки по парте. А она просто не разглядела собаку в облаке.

6

Пашу видела пару раз в университете. Он бежал на свои на лекции, я – на свои. Подмигнул мне, я отвернулась. Наивно было предполагать, что его совесть забудет в колокола и заорет на ухо: «Эй, ты! Посмотри, она же классная, ты что творишь?» Мы поженимся, родим девочку, потом мальчика.

– Привет! – это был Игорь. Он возвышался надо мной, казалось, метра на три, таких невероятно больших размеров был человек. Высокий, статный, атлет, густые черные волосы и карие глаза. Мне кажется, я ему нравилась. Часто замечала его взгляды, сиротливо бросаемые в мою сторону. Он всегда улыбался мне и спешил открыть двери в аудиторию, если пробежал мимо. Не будь я влюблена в Пашу, я бы обязательно удивилась такому вниманию, проанализировала бы его, чтобы понять: это все происходит на самом деле? У меня есть поклонник?

– Привет! – я улыбнулась «чеширским» замахом. Игорь заметил улыбку.

– У меня сегодня вечеринка, придешь?

– Обязательно! – я дотронулась до его руки, Игорь вздрогнул.

Это была слабая попытка убежать от наивной привязанности к Паше.

Двухкомнатная квартира была заполнена громкой музыкой и запахом пережаренного теста. Кто-то лохматый на кухне жарил блины, рядом полуголая девица с пирсингом в губе курила сигарету со вкусом шоколада. Черный кот сидел на табуретке и морщился. На полу коричневое липкое пятно от кофе. В большой комнате на подушках валялись пьяные парни и девушки. Игорь стоял у окна и всех фотографировал. Кругом разбросаны бутылки, салфетки, пустые пластиковые тарелки с остатками еды. Грязь, пыль – ненавижу замусоренные пространства.

– М-да, убойная вечеринка.

Я сунулась во вторую комнату, но там, на большой кровати, жарко целовалась какая-то парочка.

Я развернулась, чтобы исчезнуть, но Игорь поймал меня за руку.

– Согласен. Жуткий компот. Останься.

Я представила, что мне придется вернуться в свою квартиру, где меня ждал лишь старый диван. Стало грустно. Здесь – помойка, дома – черная дыра с одинокой плотной тишиной.

Игорь посадил меня на подоконник, вручил бокал из синего стекла с белым вином. Я питала слабость к синей посуде, особенно хрустальной. Было в ней что-то благородное. Синее стекло – холодное, словно иней, легкое и полупрозрачное. Я выросла, и синий стал для меня цветом спокойствия.

Один из парней взял гитару. Выключили музыку и забренчали струны. Играл он неплохо, но складывалось ощущение, что никто не знает, как себя развлечь. Было весело только тем, кто громко возился за стенкой. Игорь иногда смотрел на меня, и я чувствовала, что ему неловко.

После пятого бокала вечеринка стала мне нравиться. Песни пелись громче. Игорь утащил меня в освободившуюся комнату. Все плыло перед глазами. Я думала о Паше, о том, что молодость моя проходит не так, как я хочу. Пыльные прокуренные квартиры, глупые разговоры о поисках себя в ближайшие десять лет, фальшивые ноты в незатейливой мелодии – мне откровенно скучно. Только беда в том, что дома было так же скучно и одиноко. Игорь сказал, что я очень красивая и давно ему нравлюсь.

– Бархатные глаза у тебя, слышишь? – он провел пальцем у виска. Что за чушь, думала я.

Игорь попытался поцеловать меня, неловко клюнул в шею, обнял руками за талию. Ждал, что я отвечу, начну реагировать на его неумелые прикосновения.

Давай, давай, уговаривала я себя. Он, кажется, влюблен, он будет нежен и счастлив. Не отряхнется, как похотливый кот, не уйдет после секса на кухню хладнокровно пить кофе, напе-

вая что-то под нос. Может, даже скажет, что я прекрасна, и станет целовать ладони. Но тело сопротивлялось. Не подавало сигналов, застыло, замерзло, подобно завалившейся в глубине морозилки пельмешке.

Я вырвалась из его рук и выбежала на балкон. Вцепилась в перила и дышала. Игорь встал позади меня, сжал плечи. Я чувствовала его дыхание, и отчего-то стало так противно, гадко. Вроде вот человек, который пульсирует от меня, а я в мыслях о Паше. Никакого равновесия, меня треплет ветер, как простыню на веревке. Обдает прохладой, и внутри одни сквозняки. Игоря позвали. Кого-то стошнило прямо на диван. Я тихо сбежала в ночь. Последний троллейбус повез меня домой.

Надо завести кота, подумалось мне. Чтобы он встречал меня на пороге, тогда не так страшно возвращаться домой.

7

Мне было девять лет, когда впервые летом мама оставила меня одну. Точнее, она купила мне путевку в оздоровительный лагерь. Обещала, что мне обязательно понравится. Я оказалась в палате с тремя девочками. Просторная комната, пружинные кровати и старые тумбочки с падающими с петель дверцами. Трое вожатых на тридцать человек. Две замученные тетki и студент-практикант в очках, которого прозвали Черепахой. Девочки меня невзлюбили. Я помню, как вошла со старым чемоданом, как стала разбирать вещи, а они сидели тихо и только переглядывались.

– Анжелика, – представилась я.

Они засмеялись и выбежали. Я пыталась еще раз поговорить, но каждый раз они глупо хихикали и кривили лица. Почему я им не нравлюсь? Они замолкали, стоило мне оказаться в их обществе. Или сдвигались поближе друг к другу, склонив низко головы, что-то обсуждали, но так, чтобы я не слышала ни слова. Только едкий мерзкий смех. Ночью я плакала от обиды. Все в отряде общались группками, лишь я сидела в сторонке, потому что подружиться не получалось. Стала изгоем. Обычный ребенок, который не понимал, что сделать, чтобы понравиться. Когда мама приехала, я плакала на ее коленях, умоляла меня забрать. Но мама твердила, что не может, ведь у нее работа. Надо потерпеть еще две недели.

Две недели тянулись медленно. Я завтракала, бродила по лагерю одинокой вороной, спала после обеда, рисовала в альбоме вид из окна. Одна из вожатых, с виду грозная и толстая женщина, Марина Викторовна, пожалела меня и порой пускала к себе в комнату. Я сидела на стуле, пока она читала книгу. Иногда она рассказывала мне о своем сыне, какой он умница, что вот через полгода вернется из армии и женится на красивой девочке Наде. Она хочет внуков, хотя сама так молода. Мне нравилось ее слушать. Было тепло оттого, что она не бросила меня, как все эти дети. Я часто хотела спросить, почему со мной никто не дружит, но боялась признаться в своей грусти. Так страшно было произнести эти слова вслух, ощущение ничтожества самой себя пугало. Марина Викторовна понимала мои метания, часто гладила меня по голове, хвалила мои рисунки. За пять дней до окончания смены она пропала. Лица у вожатых были скорбные. Взрослые перешептывались на улицах, в столовой, но мы, дети, ничего не знали. Я спросила у Черепахи, где тетя Марина, но он испуганно дернул меня за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.